

М.Г. Камбек об охоте азовских казаков на дроф

Е.Н. Тарасенко

Введение

В научных изданиях и периодике XIX в. на немецком языке публиковались интересные статьи и сообщения об истории, природе, тогдашнем хозяйстве и быте населения степей Северного Приазовья, многие из этих публикаций до настоящего времени не переведены на русский язык и остаются практически недоступными большинству отечественных исследователей.

Настоящая работа посвящена переводу на русский язык и введению в научный оборот заметки врача и литератора Максимилиана Грегора Камбека (Maximilian Gregor Cambesq) «Охота азовских казаков на дроф», напечатанной сначала в петербургской газете «St. Petersburger Zeitung» (№ 182 за 1853 г.), а затем опубликованной в 1854 г. известным немецким математиком и физиком А. Эрманом в XIII томе издаваемого им в Берлине сборника «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland» («Архив научных известий о России», в отечественной литературе это издание часто называют «Архивом Эрмана») [1].

Врач и поэт-романтик М.Г. Камбек прожил очень короткую жизнь (всего 28 лет), его литературный талант и интерес к естествознанию не успели развернуться в полную силу. Он родился 13 сентября 1828 г. в Дерпте в семье юриста и преподавателя Луи Камбека (Louis Alexandre Cambesq, 1796–1859, в России его называли Логгином Федоровичем), потомка французских эмигрантов. Как пишет сам М.Г. Камбек в автобиографии, он был ленивым и склонным к проказам мальчиком, в 14 лет умел лишь читать на немецком языке и очень безграмотно писать, но тайком читал немецких поэтов-классиков и писал свои первые лирические стихотворения. В 1844 г. он приступил в Казанском университете (его отец с 1838 г. был там профессором римского права) к изучению филологии и увлекся древними языками, продолжая свои поэтические опыты. Но мертвые языки скоро наскучили ему, и он бросился к естественным наукам: с 1848 г. М.Г. Камбек стал учиться медицине в Дерптском университете. В 1850 г. он был вынужден оставить по болезни свои университетские занятия и следующие два года путешествовал по России. В 1852 г. он приехал в С. Петербург, закончил там свое образование и остался работать врачом. Чтобы поправить свое все ухудшавшееся здоровье, М.Г. Камбек предпринял в 1855 г. путешествие в Германию, но это не помогло. Он умер вскоре после возвращения в С. Петербург 6 мая 1856 г. [2, с. 32–33; 3, с. 409].

Из творческого наследия М.Г. Камбека, кроме уже упоминавшейся заметки об охоте на дроф, опубликованы ряд его лирических стихотворений и этнографическая заметка «Свадьбы у мордвы и чувашей», посвященная народам Поволжья [2, с. 33–47].

Земли азовских казаков в Северном Приазовье М.Г. Камбек посетил во время его путешествия по России в 1850–1852 гг. Целый ряд деталей в его описании охоты азовских казаков на дроф (см. ниже текст перевода заметки) свидетельствуют о том, что он или сам участвовал в охоте, или, по крайней мере, был ее непосредственным свидетелем.

Азовское казачье войско, даже на фоне этнической мозаики в Северном Приазовье и чрезвычайного разнообразия способов управления расположенными там этническими территориальными образованиями, было явлением особым, хотя и просуществовало оно недолго.

Азовское казачье войско основано после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В ходе ее казаки Дунайской Сечи, образованной в низовьях Дуная частью запорожцев, бежавших на турецкую территорию после упразднения Запорожской Сечи в 1775 г. и находившихся под властью Османской империи, перешли на сторону России и оказали важные услуги русской армии. После заключения Андрианопольского мира (2 сентября

1829 г.) предводителем казаков полковником О.М. Гладким было выбрано место для их поселения на пустующих казенных землях в Екатеринославской губернии, по восточным берегам реки Берда и ее притока Каратыш (в настоящее время бывшие земли Азовского войска входят в состав Мангушского и Володарского (Никольского) районов Донецкой области, а также Бердянского района Запорожской области). В середине XIX в. территория Азовского войска тянулась полосой почти в 60 верст и шириной 8–12 верст с юго-запада на северо-восток (см. рис. 1). Еще при заселении существовали определенные

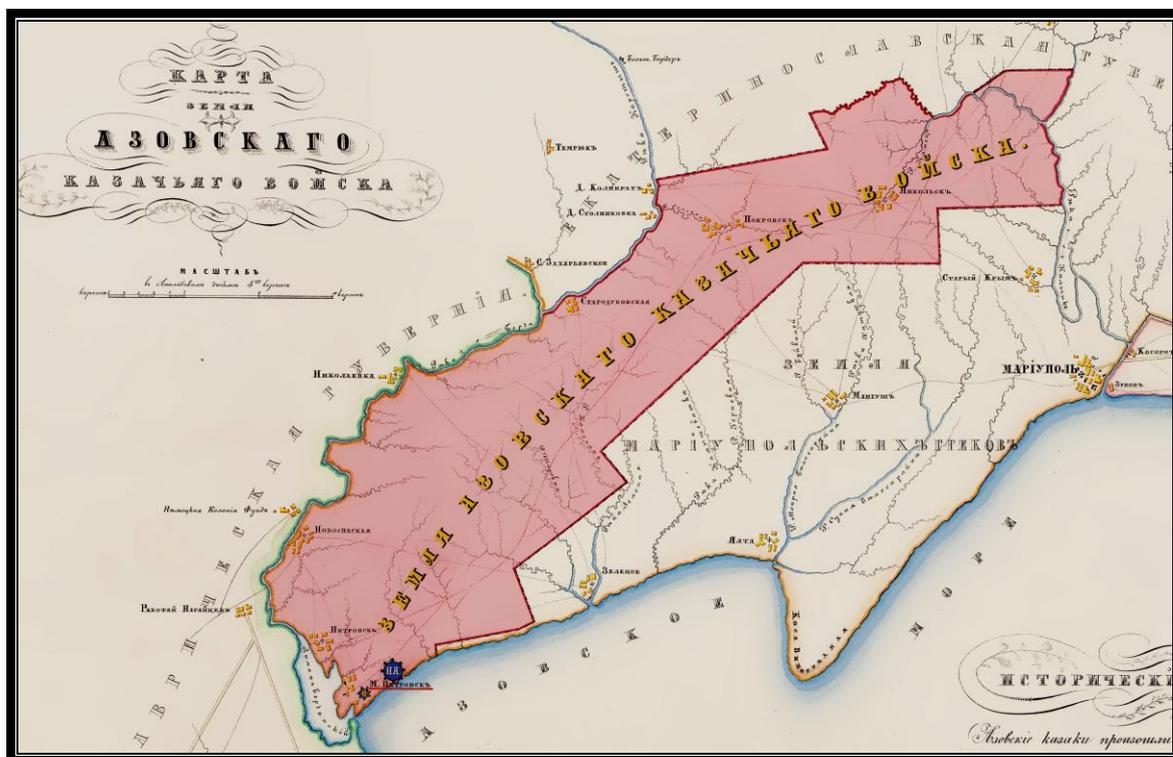

Рис. 1. Карта земель Азовского казачьего войска в 1858 г. (фрагмент) [6].

опасения, удастся ли потомкам запорожской вольницы мирно ужитья со своими новыми соседями: немецкими колонистами, приазовскими греками, ногайцами и государственными крестьянами-малороссами, о чем пишет в своей заметке М.Г. Камбек (см. с. 442 в тексте перевода). Первоначально казаки основали две станицы: Никольскую (сейчас – пгт. Никольское (ранее – Володарское)) и Покровскую (сейчас – с. Боевое). Войско было малочисленным, поэтому к нему причислили Петровский мещанский посад (там размещалось управление войска и находился наказной атаман, сейчас – с. Новопетровка), а также селения Новоспасовка и Стародубовка, населенные государственными крестьянами, в основном малороссами из Черниговской губернии. С 1837 г. азовские казаки поочередно, сменяясь каждые три года, несли «баркасную службу», крейсируя у восточного побережья Черного моря. Остававшиеся в станицах казаки занимались сельским хозяйством, в котором достигли больших успехов [4, с. 19–23, 31; 5, с. 185–186].

Охота всегда была излюбленным занятием казачества, а дичи до середины XIX в. в Северном Приазовье было еще достаточно. На юге Екатеринославской губернии лучшей дичью считалась в то время дрофа, о многочисленности дрофы и стрепета в приазовской степи писали многие современники [7, с. 95; 8, с. 15–16]. Степная целина и пастбища, сохранившие травяной покров и мало поврежденные перевыпасом, были излюбленными местами обитания как дрофы (*Otis tarda*), так и стрепета (*Tetrax [Otis] tetrax*), именно в окружении буйных степных трав было принято изображать этих птиц (см. рис. 2).

Практически до середины XIX в. наиболее прибыльным занятием в Северном Приазовье было скотоводство, земледелием, связанным с трудоемкой распашкой степной

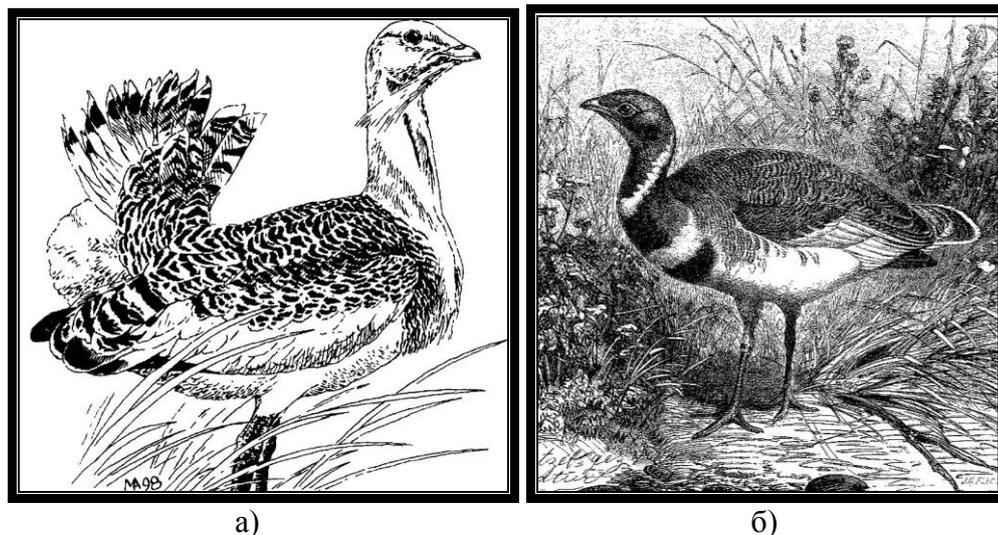

Рис. 2. Дрофа (*Otis tarda*) (а) и стрепет (*Tetrax [Otis] tetrax*) (б), представители семейства дрофиных (*Otididae*), населявшие степи Северного Приазовья в середине XIX в.

целины, и немецкие колонисты, и азовские казаки занимались, в основном, для собственных нужд, зерновая торговля через мариупольский порт была довольно ограниченной.

В 1830 г. открылся глубоководный Бердянский порт, цены на пшеницу повысились за последующее десятилетие в 3–5 раз, начиналось «золотое время» зерновой торговли через азовские порты с югом Европы. Не отстать стремился и Мариуполь: в начале 70–х годов XIX в. были проведены дноуглубительные работы в старом порту в устье Кальмиуса; в ноябре 1882 г. в город пришла железная дорога; 23 августа 1889 г. был открыт новый порт у балки Зинцевой. Мариуполь вновь стал лидером зернового экспорта в Северном Приазовье.

Первыми выводы из сложившейся ситуации сделали немецкие колонисты, их историограф Я. Штах писал: «... колебанию в выборе между хлебопашеством и скотоводством был положен конец. С этих пор пшеница стала главным предметом производства колонистов ...» [10, с. 148]. По примеру немецких колонистов сохранившиеся целинные пустоши и выгоны (пастбища), кроме самых необходимых, в Северном Приазовье стали быстро распахивать. Уничтожались традиционные места обитания дрофы и стрепета, в сочетании с ростом числа охотников это привело к существенному снижению численности дрофиных.

Первым из приазовской степи исчез стрепет, ставший крайне редким в этих местах еще начале XX в., а с 1953 г. он вообще не фиксировался в Донецкой области даже на пролете [11, с. 22]. В начале XX в. на юге Новороссии отмечено и снижение численности дрофы [12, с. 110], но до наших дней в Северном Приазовье она все-таки дожила, пусть и в качестве очень редкого вида, достоверно фиксируемого лишь на зимовке. Зимующие группы дроф в 80-е годы XX в. отмечались в Володарском (Никольском), Первомайском (Мангушском) и Тельмановском районах Донецкой области [11, с. 22], 16 января 1988 г. зимующих дроф наблюдали в окрестностях заповедника «Каменные Могилы» [13, с. 73]. Дрофа указана для первого десятилетия XXI века как редкий зимующий вид в Федоровском и Стародубовском лесничествах, расположенных в бассейне левых притоков Берды, речек Каратыш и Каратюк [14, с. 181], т.е. как раз в тех местах, где проходила в середине XIX в. описанная М.Г. Камбеком охота азовских казаков на дроф. Последним (и весьма прискорбным) свидетельством зимовки дроф в Северном Приазовье

стало появившееся в социальной сети «Одноклассники» зимой 2017/2018 гг. фото дрофы, добытой охотниками в Володарском или Мангушском районах, никаких подробностей охоты выяснить не удалось. Гнездование дроф в Володарском и Мангушском районах достоверно не зафиксировано, среди охотников последние лет 25–30 ходят рассказы о встрече в этих местах отдельных выводков во второй половине лета [11, с. 22], но все это пока так и остается «охотничьими рассказами», которые не раз доводилось слышать и автору.

Ниже представлен текст перевода на русский язык заметки М.Г. Камбека «Охота азовских казаков на дроф», выполненного автором, скан первой страницы этой заметки дан на рис. 3.

Автор благодарен уважаемому В. Петкау (ФРГ) за любезно предоставленные им сканы заметки М.Г. Камбека из XIII-го тома (за 1854 г.) «Архива А. Эрмана».

Текст перевода заметки М.Г. Камбека «Охота азовских казаков на дроф»

[Стр.] 439

Охота азовских казаков на дроф.
Сообщение Макса Камбека¹

Идеей любого человеческого общества является высшая нравственность. Из нее вытекают все условия мирного совместного существования. В ней выражаются догматы религии, она опирается на обусловленные ею законы и превращает каждое социальное отношение в волшебную связь, которая теснее связывает души, учит их единым для всех стремлениям и получает для всех защиту, которая будет для каждого. Каждое государство провозглашает эту идею в своем духовном и нравственном развитии.

Каждое просвещенное государство – это духовный фокус, лучи которого проникают далеко, и даже там, где множатся ночь и мрак, свет религии скоро зажигает согревающий огонь и пробуждает в самых варварских местах стремление к облагораживанию.

Если среди варваров Старого Света есть еще дикость и беззаконие, здесь и там общественные связи на континенте еще локальны, тем не менее, образование идет вперед по вечным законам движения, ибо прогресс не останавливается.

[Стр.] 440

Очень подходящий пример [этого] дает нам нынешнее время, если мы посмотрим на колонии азовских казаков.

Показательно, что мудрость и нравственность, закон и порядок смогли сделать с этим народом всадников, одичавшим на берегах Дуная.

Еще недавно дикая необузданность этих дерзких всадников повергала тихих соседей в страх и ужас, каждая община новоприбывших сторонилась [от них], и даже путешественник радовался, когда оставлял за спиной их селения.

История называет запорожцев первыми казаками в России. В то время, когда Малороссия, достопамятная арена русских подвигов, томилась под польским господством, когда насилия и преследования религии² притесняли Украину, проснулось в сердцах малороссов мужество их предков, и с мужественной энергией они стряхнули с себя железное ярмо, надетое на них литовским князем в начале четырнадцатого века. Многие из них оставили родные жилища и очаги и на берегах Днепра [обрели] свое отечество, где их вера, их свобода и даже их жизнь часто стояли «на кону».

Здесь они жили по законам своих отцов и кормились охотой и рыбалкой. Женатые казаки селились между Днепром и Бугом, в то время как холостые получили остров Хортицу, который лежит ниже порогов Днепра, и поэтому их называли запорожцами.

Эти дерзкие герои вскоре стали ужасом [для] крымских татар, и поляки сочли за благо предложить беглецам дружбу, вместо того, чтобы осудить это [их] самоволие.

[Стр.] 441

Мы знаем заслуги Сигизмунда I перед казачеством и пользу, которую извлекла Польша из дружбы с этими грозными соседями правивших в Крыму татар.

Судьба казаков и их гетманов как раз и интересна, поскольку с этого времени она тесно связана с историей России.

Имена гетмана Романа Рожинского и Сагайдачного напоминают нам о важных военных предприятиях запорожцев до времени самозванцев и осады Москвы королевичем Владиславом.

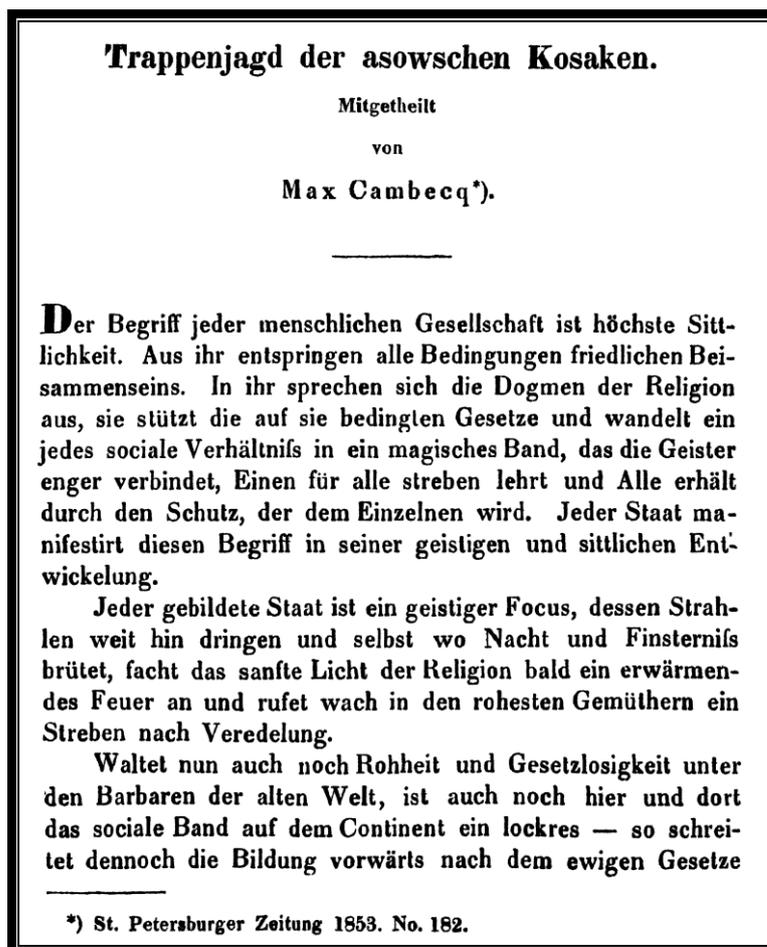

Рис. 3. Первая страница заметки М.Г. Камбека об охоте азовских казаков на дроф [1, с. 439].

В Богдане Хмельницком мы видим, наконец, человека, который, проникнувшись славой своего Отечества, считал союз с Россией единственным средством сохранения независимости своего народа, что и привел [он] в исполнение еще в 1654 г.

Царь Алексей Михайлович предложил казакам покровительство.

Мы переходим к политике Казимира и союзу, предлагаемому крымским ханом, и приходим, наконец, к Мазепе и его предательским планам против Петра Великого.

Но Мазепа обманулся в характере казаков, и мы знаем, что этому предателю удалось предоставить лишь несколько тысяч человек шведскому герою.

Случайности, которые в разные времена забросили часть запорожцев на берега Дуная, привела теперь и воинов Мазепы в эти края, которым тоже пришлось оказаться под

турецкой властью. Вера их отцов, которой они все еще оставались верны, не позволила им полностью отрешиться от старого Отечества. Поэтому в 1828 году удалось во время турецкой войны тогдашнему гетману или кошевому Гладкому вернуть своих казаков под знамена России. Этим добровольным отречением от антирусских настроений запорожцы загладили проступок предков и стерли темное пятно с их истории.

[Стр.] 442

Теперь мы знаем, что нынешний генерал–майор Гладкий получил разрешение поселить своих казаков на берегу Азовского моря и что этим переселенцам с дунайских берегов было дано звание азовских казаков.

Дикий сын степи в полной силе и задоре превосходил цивилизованного европейца. С некоторым смущением смотрели многие в будущее. Но эта дикая глыба, грозившая разрушить просвещение и порядок, вскоре была обработана, перестала сопротивляться, и стала полезной в государственном строительстве.

Теперь, когда мы едем по дороге³, ведущей в Мариуполь, мы видим слева и справа волнующиеся хлебные нивы, нас гостеприимно приглашают приветливые молочные фермы и дома, и когда-то бесплодную степь видим мы превращенной в картину трудолюбия и процветания.

В опрятной усадьбе потомок дерзких запорожцев стоит с лопатой в руках и присматривает за слугами и служанками, которые созидают и трудятся с изрядным усердием⁴.

Нравы и обычаи этого народа содержат в себе много интересного, и их сказания и песни, часто имеющие столь высокую поэтическую ценность, занимают видное место в русском фольклоре.

В качестве дополнения к [сообщению о] казаках на реке Урал, я хочу здесь рассказать об охоте азовских казаков на дроф.

[Стр.] 443

Эта охота в своих различных видах хорошо известна и на юге России, но нигде я не видел более искусного охотника на дрофу, чем азовский казак.

Из Покровской колонии, расположенной в двадцати верстах от Мариуполя, мы отправились в безмятежное октябрьское утро охотиться на дроф. Если бы мы не шли с казаками, нас вряд ли можно было бы считать охотниками, потому что ни у кого из нас не было ружья, а казаки были вооружены лишь короткой нагайкой, висевшей у них на поясе.

В степях России различают дроф двух видов: дрофу *Otis tarda*⁵ и стрепета *Tetrax [Otis] tetrax*⁶. Дрофы относятся к роду куриных птиц.

Дрофа – крупнейшая наземная птица Старого Света ростом в два аршина. Голова и шея [ее] пепельного цвета, тело белое, спина серо–коричневого цвета, с черными поперечными полосами. Самец имеет по сторонам на подбородке усы из белых перьев. Стрепет имеет черную коричневую, полосатую голову; шея и виски преимущественно рыжие, черные и пятнистые. Дрофа – осторожная, боязливая птица и не подпускает близко людей.

Органы зрения и слуха у этой птицы обладают невероятной тонкостью. Чуткость этой птицы часто приводит в изумление самого искусного охотника. В полете дрофа несколько тяжеловесна, зато неутомима в беге. Плохо натасканная охотничья собака редко сможет догнать взрослую дрофу.

[Стр.] 444

Поэтому в [случае] опасности дрофа больше доверяет своим ногам, чем крыльям.

Они живут стаями, питаются зерном, молодыми побегам, капустой, дождевыми червями и насекомыми⁷. В Малороссии стрепет, из-за своего вкусного мяса, – желанная [добыча] и охота на него часто ведется весьма своеобразным способом⁸.

Летом казаки изредка занимаются охотой на дрофу, тогда птицу стреляют [из ружья], но поздней осенью начинается облавная охота.

Если два–три дня подряд идет дождь, а потом вдруг наступают морозы, казак отправляется верхом в степь и разыскивает дроф. У них промокшие под дождем крылья сразу обмерзают, и они полагаются только на свои ноги. Вооруженный нагайкой с пулей на конце, охотится казак на дрофу. Если он застигнет врасплох несколько дроф, то начинается гонка, необозримое поле для которой предоставляет бескрайняя степь. Ловкий охотник нагайкой пробивает птице череп, как только он ее настигнет.

[Стр.] 445

Редко ошибается охотник. Удар по крыльям или спине против их охотничьего обычая и наказывается едкой шуткой.

Покровское осталось далеко позади, и мы уже приближались к первому озеру⁹, у которого несколько дней назад видели большую стаю дроф.

Степь местами представала перед нами гладким зеркалом, переливающимся самыми разными цветами, над которым клубился серый прозрачный туман, позолоченный красными лучами осеннего солнца, которое теперь медленно поднималось на горизонте.

Вокруг царила глубокая тишина, прерываемая лишь частыми ударами копыт наших лошадей. Вдруг наш проводник подал знак, и с громким «Ура!» кинулись туда казаки с быстротой молнии. Человек и лошадь казались единым целым. Наклонившись телом вперед, летит казак, полулежа на шее своего коня. Каждое движение умного животного он направляет, тесно прижимаясь к нему, и, благодаря спокойной неустрашимости и присутствию духа, которые он сохраняет в этой траве, казак делает это быстрее обученного эквилибриста. Вскоре мы увидели шесть дроф, которые с невероятной быстротой мчались перед нами по гладкому зеркалу степи. Все ближе и ближе мы приближались к длинноногим беглецам, со свистом взлетела в воздух нагайка и тяжело упала первая птица. Все шесть птиц были добыты за полчаса, и мы, и наши лошади нуждались в отдыхе.

[Стр.] 446

До Стародубовской мы не останавливались и решили там пообедать. По дороге один из наших казаков постоянно держался чуть поодаль от нас и, кажется, внимательно следил за берегом лимана. Внезапно, это было в одно мгновение, лошадь сделала огромный прыжок и полетела вперед, как стрела, но в тот же миг исчезла в густом тумане. Скорее всего, он обнаружил дрофу, спрятавшуюся на берегу. Через четверть часа напрасного ожидания мы сдались, тем более другие казаки уверяли нас, что наш исчезнувший охотник вернется не так скоро, потому что перед ним лежала степь, у дрофы было большое преимущество, и он был казаком. Иными словами, охотнику недостойно вернуться без птицы, пока его лошадь бежит, и он может держаться в седле.

Примечания М.Г. Камбека к заметке

1. Опубликовано в газете «St. Petersburger Zeitung» № 182 за 1853 год.
2. Из-за влияния Унии, проповедники которой в 1595 году появились в Литве и Польше, влияние это было то время весьма чувствительным.
3. Чумацкая дорога.
4. Казаки делятся на служащих и неслужащих. Три года службы отрывают казака от дома, после чего он возвращается домой и снова становится земледельцем, так как у него также есть три свободных от службы года. Казаки пашут на волах, и число упряжек [пар волов] указывает на их богатство. Их хозяйство ни в чем не уступает немецкой колонии Бергталь.
5. Драхва, дудак.

6. Стрепет примерно достигает размеров фазана. Его мясо вкуснее и мягче, чем у обычной дрофы. Раньше дроф относили к болотной дичи.

7. Самка откладывает от двух до четырех яиц на земле. Яйца насиживаются месяц. Спаривание происходит в марте и апреле.

8. Чтобы приблизиться к пугливым птицам на расстояние выстрела, охотники пользуются специальными тележками, на которые кладут свежие березовые ветки, которые превращают двухколесную тележку в куст, за которым может спрятаться охотник. Ружье он устанавливал на рогатину, прикрепленную к телеге, и постепенно приближался с большой осторожностью к стае. Крестьян дрофы бояться меньше, и нередко можно видеть изобретательных охотников, которые, прячась у крестьянина под сеном, подходят как можно ближе к птицам, потом бросают с телеги пучок сена и ждут дроф, которые, как только крестьянин проедет дальше, с любопытством боязливо все ближе и ближе подходят к упавшему селу. У некоторых дворян имеются для этой охоты специально изготовленные ружья, длина которых зачастую может быть больше двух аршин.

9. Каждое озеро, берега которого не заросли камышом, в земле азовских казаков называется лиманом. На Черном море, где это слово также употребляется, им обозначают вообще все морские заливы. Собственно, там лиман – это любое озеро, в котором есть соленая вода из-за его связи с морем. Такие озера часто возникают в устьях рек из-за наносов грунта. Эти естественные плотины приводят, в результате, к расширению русла реки и, тем самым, к образованию лимана. Лиманом там также называется каждое большое устье реки.

Литература

1. Cambecq, M.G. Trappenjagd der Asowschen Kosaken / M.G. Cambecq // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland (hrsg. v. A. Erman). – 1854. – В. XIII. – S. 439–446.
2. Literarisches Taschenbuch der Deutschen in Rußland / Herausgegeben von Jegor von Sivers. – Riga: Verlag von N. Kymmell, 1858. – XII, 320 s.
3. Русский биографический словарь: Т. 8. Ибак–Ключарев. – Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А.А. Половцова. – С.-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1897. – 756 с.
4. Гаденко, А.П. Азовское казачье войско (1830–1865 г.) / А.П. Гаденко. – Кашира: Типография В.А. Третьякова, [1912]. – 54 с.
5. Военная энциклопедия: Т. I. А – Алжирия. – СПб.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 394 с.
6. Атлас иррегулярных войск Российской империи 1858 года. Спб. 1858.
<https://subscribe.ru/group/rossiya-evropa-amerika-dalee-vezde/9838859/>
7. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Екатеринославская губерния / Сост. В. Павлович. – СПб.: Типография департамента Генерального штаба, 1862. – 352 с.).
8. Дзякович, П.К. Очерк города Мелитополя и его уезда в географическом отношении / П.К. Дзякович. – Мелитополь: Типолиторафия Л.Л. Либермана, 1898. – 56 с.
10. Штах, Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов / Я. Штах. – М.: [Тип. А.И. Мамонтова], 1916. – 266 с.
11. Рева, М.Л. Страницы Красной книги / М.Л. Рева, Л.И. Тараненко, Г.Н. Молодан и др. – Донецк: Донбасс, 1989. – 111 с.
12. Карпов, Б.Г. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIV. Новороссия и Крым / Б.Г. Карпов, П.А. Федулов, В.И. Каратыгин и др. — СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1910. – 983 с.
13. Сиренко, В.А. Фауна наземных позвоночных Украинского степного природного заповедника (Пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие. Аннотированный список видов)

/ В.А. Сиренко, В.В. Мартынов // Труды филиала Украинского степного природного заповедника «Каменные Могилы» (юбилейный сборник). – 1997, вып. 1. – Киев: Фитосоциоцентр, 1998. – С. 63–82.

14. Москаленко, И.С. Реализация программы «Леса Украины» в бассейне реки Берда и непосредственно в окрестностях «Каменных Могил» / И.С. Москаленко // Каменные Могилы – прошлое и настоящее: материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию отделения Украинского степного природного заповедника НАН Украины «Каменные Могилы». – Донецк, Ноулидж, 2012. – Вып. 2 (Ч. 1). – С. 180–181.